

¹⁹ Анна Константиновна Черткова (урожд. Дитерихс, 1859—1927), жена В. Г. Черткова.

²⁰ Иная точка зрения у В. Ф. Булгакова, хорошо знавшего всех участников событий. 13 сентября 1910 г. он приехал в Ясную Поляну и разговаривал с В. М. Феофритовой («...») о трагедии яснополянского дома. Слушал ее дневник за последнее время. Он имеет свои специфические недостатки (как женский дневник), но несомненно, что впоследствии это будет один из самых ценных документов для воссоздания обстановки, в которой жил Толстой». — См.: *Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год жизни...* С. 321.

Через два десятилетия, готовя дневник Феофритовой к публикации (которая так и не состоялась), Н. Н. Гусев 21 июня 1933 г. писал: «Записки Варвары Михайловны Феофритовой-Полевой, веденные ей в течение июня—октября 1910 г. во время ее жизни в Ясной Поляне, представляют важнейший материал для биографии Л. Н. Толстого. Записки эти с необыкновенной яркостью рисуют ту обстановку, в которой Толстому пришлось жить в последние месяцы его жизни. Они с полнотой освещают те — порою весьма скудные — записи дневника, в которых Толстой часто весьма кратко и конспективно, шадя своих близких, упоминает события дня яснополянской жизни». — РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 1.

Дневник Феофритовой широко использован в комментариях к Дневнику Толстого 1910 г. — ПСС. Т. 58.

²¹ В. М. Феофритова записала разговор с С. А. Толстой 4 сентября 1910 г. На следующий день, 5 сентября 1910 г., Гольденвейзер отправил в Кочеты письмо вместе с выпиской из дневника Феофритовой, ужаснувшей Толстого (см. его запись в «Дневнике для одного себя» от 9 сентября 1910 г. — Там же. С. 136).

Феофритова подробно записала слова С. А. Толстой, сказанные в присутствии М. А. Шмидт, относительно своих планов на сочинения Толстого после его смерти. Вероятно, именно эта часть письма более всего задела Толстого. «Если бы даже он и оставил всё Черткову или на общую пользу, то я неизданные сочинения всё равно не отдам, ведь там годов лет. Когда было что написано — поди угадай. Мне все поверят, что они были написаны до [18]81 года. Да положим, всё равно, мы ведь Завещания не оставим без оспаривания, ни я, ни сыновья, ведь у нас аргумент очень сильный, мы докажем, что он был слаб умом последнее время, что с ним часто делались обмороки, ведь это правда, и все это знают, и докажем, что в минуту слабости умственной его и заставили написать Завещание, а что он сам никогда не хотел обижать своих детей». — Там же. С. 597—598; *Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. (Записи за пятнадцать лет).* Т. II. М., 1923. С. 277.

²² Думается, что более прав Д. П. Маковицкий, записавший 8 сентября 1910 г. свое первое впечатление от знакомства с цитированным выше документом: «(...) Л. Н-чу Гольденвейзер прислал копию удивительной записи Варвары Михайловны, занесшей на бумагу речи Софьи Андреевны: она выболтала все свои планы, как хочет добиться прав, и тем самым доказала, что только притворяется душевнобольной.

Л. Н. [на это]: Мотивы, по которым она это делает (притворяется душевнобольной), уже являются болезнью». — См.: *Маковицкий Д. П. У Толстого: 1904—1910. Яснополянские записки. Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 345—346. Курсив Д. П. Маковицкого.*

²³ Сходной точки зрения придерживался и В. Ф. Булгаков, 14 сентября 1910 г. отметивший в дневнике: «...Варвара Михайловна, притворяясь одинаково преданной матери и дочери, передает последней все неловкие, истерические словечки Софьи Андреевны и тем подстрекает ее к дальнейшим „воинственным“ действиям. (...)» — См.: *Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни...* С. 323.

²⁴ Софья Александровна Стахович (1862—1941) близкая знакомая Толстых, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого.

²⁵ Об этом разговоре см. запись Д. П. Маковицкого от 9 сентября 1910 г.: *Маковицкий Д. П. У Толстого...* Т. 90. Кн. 4. С. 346.

²⁶ Вечером 9 сентября 1910 года «(...) Софья Андреевна убежала к пруду. Сначала я пошел за ней, потом пришел Михаил Сергеевич урезонивать, долго урезонивал ее и привел.

11 сентября. Кочеты. (...) Софья Андреевна неистовствует уже третий день. (...) днем убежала в сад. (...)»

Софья Андреевна весь день пропадала одна в парке. Л. Н. посылал меня за ней, сказал:

— Ох, Душан Петрович, все хуже и хуже; все это, все идет к худшему». (Там же. Курсив Д. П. Маковицкого).